

Петров Геннадий Афанасьевич

В 1935 году моих родителей раскулачили и выслали из села Чердаты Зырянского района в Парабельский район поселок Паркаево*, люди называли его Порхаевкой. Поселок наверное состояло из ссыльных, но их привезли раньше нас, в тридцатом или тридцать первом году. С ними обращались вообще бесчеловечно. Их выгоняли из собственных домов, лишь в том что них было одето. Ничего из своего хозяйства и добра, что было нажито, брать не разрешалось. Об этом они говорили моим родителям.

А когда нас отправляли, отца дома не было, он был в районе под арестом и к нам его присоединили при посадке на барже.

Когда из дома нас выпроваживали, то пришел какой то военный, или это был милиционер, но мне он казался интересным что ли, и пахло от него очень вкусно. Это наверно был запах одеколлона. Я тогда впервые почувствовал этот запах. Он был очень высокий, в длинной шинели и с наганом на поясе. Он сказал моей матери и бабушке: «Перестаньте плакать и давайте берите что вам надо будет, необходимо на первое время, а то надо отправляться.» Он все таки был добрым.

Моя бабушка спросила: «Что же в дороге есть, чем кормить детей?» И он, как показалось, рассердился и спросил : «Разве у вас совсем ничего нету что бы взять с собой?» И мать взяла что ей было под силу, мы то еще были малы и помощники были никакие. При подбадривание высокого человека лишь взяли ящик с вещами, чугунок, сковородки и еще кое что из одежды. Взяли ванночку, вернее тазик для купания детей и ковшик металлический, цельнотянутый. У моих родителей было 10 детей, так все купали в этой ванночке и она по сей день сохранилась. Теперь она хранится у меня как реликвия. Отдыхает как на пенсии. У нее преклонный возраст, ее время тоже не пощадило, но она выглядит лучше, чем тазик современного изготовления. Я в семье самый старший из детей, а ее купили когда меня еще не было на свете, родился я в 1929 году. Так что не на много, но эта ванночка старше меня, ее надо уважать.

Да! Был этот уполномоченный хорошим человеком, может быть и в душе он был не согласен с тем что происходило, но он выполнял чью то волю и указания произвести выселение и нашу отправку не известно куда.

Так что поначалу у нас было что то из пищи и были вещи которые мать впоследствии меняла на продукты.

Когда нас привезли на Порхаевку то люди высланные раньше нас говорили со слезами на глазах «Да вам еще повезло по сравнению с нами. Мы то хватили лиха с избытком.»

Их привезли вообще на голое место, если не считать кержаков. Им пришлось капать землянки и питаться чем придется, многие поумирали от голода и холода. Говорили что один мужчина, когда у него умерла жена, а детей было много и он дойдя до крайности, увел детей подальше с глаз людских и убил и покончил с собой. А тетка Можина говорила как она свою девочку, сама одевшись, выносила зимой на улицу, в одном платьишке и держала на морозе с целью что та простынет, заболает и помрет. Да! Она простыла и умерла.

Можина со временем рассказывала об этом, а сама плакала.

В этом селе мы жили в землянке, на квартире у Хряповых. Я не знаю, или они приняли нас по своей доброте или нас определила к ним власть. В землянке было тепло но сыро и по стенам, по углам ползали противные слизняки.

В Пархаевке много было ссыльных и все состояли на учете в комендатуре, никуда не уйти, ни уйти, если только побег. И мой отец сбежал на родину, откуда нас выслали. Осенью вернулся сам, его не поймали. Моя мать все это время, пока не было отца, ходила на заготовку пихтолапки с другими женщинами, и меня брала с собой. Я глядел как они залазили на деревья и с макушки начинали обрубать сучья.

Была какая то норма для человека, сколько заготовил в день. Почти каждый день приходил какой то товарищ и требовал выхода на работу. Сколько зарабатывали женщины я просто не знаю. Наверное мало, потому что маме выписывали какую-нибудь вещь и мы с ней шли к кержакам или староверам менять на продукты. Нас в дом не пускали, через окно сперва поглядят, и если вещь нравилась, то торг продолжался. Платили по всякому, иногда даже репой. Как я теперь думаю, верующие люди в бога, а вели себя не хорошо, мягко сказать подло.

На Пархаевке я впервые увидел мертвого человека. Его привезли из леса, где они валили осинник и тесали деревянные лопаты, его убило деревом. Это был Парфиненко Петр Трофимович, он приходился дедом Парфиненко Александру Кузьмичу.

В Пархаевке мы прожили год с чем то, а потом приехал вербовщик Юрий Петрович Пульцман, и мой отец завербовался в Парабельский или Нарымский леспромхоз, и нас увезли в поселок Караси, там были уже бараки, куда нас и расселили. Жили в тесноте, моя мать, я, сестра(младше меня), и брат (еще моложе), он вскоре умер. Так же в Карасях жили Семья Малышева Гаврила Ивановича, жена Дарья, сын Гришка и дочь Музка. Семья Малышева Ивана, это отец Гаврила Ивановича, его жена и сын Левка. За стеной в этом бараке жили сестры Воропаевы с матерью, их отца забрали и с концом. Там же жили семья Булышковых. По соседству, через дорогу, жили Морозовы, семья Михаила- это его жена и дочка Валя. Кулешовы, Николаевы, их внук в настоящее время живет в Нарыме, работает шофером на автобусе в администрации. А на Шпалозаводе живет сын Булышкина Ивана, Булышкин Николай Иванович. Кулешов на Карасях повесился, жена осталась с детьми, две дочки и парень Пашка, у него почему то фамилия была Мошкин. Он наверное живет где то в Парабельском районе. На Карасях жили Рубцовы, Тереховы, Поповы, Желнеровы, Скулкины. В настоящее время в Талиновке живет Скулкина- пенсионерка. Не могу сказать про всех, но мы жили трудно, голодно. Мужчины уехали на участки или плотбища, а здесь жили их жены с детьми.

Моя мать с другими женщинами ходила на корчевку. Иногда мать с Морозовой Марией ходили удить рыбу.

Я пошел собирать колоски на поле, но меня поймали. Всадник два раза ударял меня плеткой и забрал мою шапку с колосками. Мою мать куда то вызывали. Как после люди говорили «это хорошо что так легко отделались, а могло быть и хуже».

А была осень, на поле все было убрано, даже соломы не было, а вот не тронь, это все колхозное. Может выше власть не мыслила так, а делали это люди у которых подлая душа и они на чужой беде и горе зарабатывали себе авторитет.

Шел 1937 год, я рано научился читать и прочитал в газете стихотворение о Ежове**, он тогда был на пике славы и какой то подхалим написал о нем: «Прислушайся ночью злодеи ползут, ползут по оврагам, несут изуверы наганы и бомбы...» И как он, нарком, стоит на страже государственных интересов. Вот и стояли охраняли, кто как мог. А кто то возводит пакости на соседа, делали наговоры и людей забирали.

На Карасях я пошел в первый класс, и в какой то день дежурный по классу раздал нам тетради, но без корочек. Учитель сказал что на картинках обложек были написаны антисоветские лозунги. На обложках были Вещий Олег и « У Лукоморья дуб зеленый». Правда это было или просто ерунда. А через несколько дней наша учительница не пришла на урок, пришел другой учитель, сказал что нашу учительницу забрали и увезли. В тот раз забрали и директора школы. Так что жизнь была когда не щадили ни взрослых, ни детей. Нас сопровождали нищета, недоедание и надзор, надзор и еще раз надзор.

В учебнике было одно стихотворение, которое нас заставляли заучить наизусть, я помню его до сих пор «Мы дети заводов и пашень и наша дорога ясна. За детство счастливое наша спасибо родная страна, у карт и у досок мы встанем, вбежим мы в сверкающий зал. Мы учимся так что бы Сталин «отлично ребята» сказал»

Во время этого «счастливого» детства хлеба было не досыта, и когда садились за стол, то мать круто посыпала кусок хлеба солью. Это я понял позднее, почему она так делала, просто что бы после такой еды больше хотелось пить, обманывать желудок наполняя его чаем с травкой.

А Малышевы жили наверное еще труднее чем мы. Левку мать посыпала ходить просить милостыню, но он не хотел, уходил и прятался. Вот такое детство.

А Морозова Марья когда уходила на работу, то свою девочку Валю привязывала за ножку стола и просила меня за ней присматривать.

Но приехал мой отец и другие мужчины и мы на неводнике поехали в Березовку. Надо было добираться до плотбища. Березовка- так она называлась- сто семьдесят километров...

Я бы хотел рассказать о своих детских впечатлениях, о том что видел, слышал, в чем сам принимал участия. О людях, которые населяли Березовку. О жизни. Обо всем что сохранила моя память. Правда за годы многое выветрилось, стерлись имена и фамилии, а хотелось бы вспомнить всех. Жизнь разбросала всех, кого куда. Порой когда нахлынут по какой то причине воспоминания, то понимаю что многое забыл.

По времени прожитом на Березовке всегда думаю как то по особому, чем о местах других, где мне пришлось жить. Хотя жил я там всего ничего, с 1938 по 1944 года. Все годы, когда я снова в 1974 году приехал в Нарым, мечтал съездить на Березовку. Но все как то не получалось.

*деревня Паркаево находилась в тайге, между Старицей и Тарском, и просуществовала до 1966г.

**Никола́й Ива́нович Ежо́в советский партийный и государственный деятель, генеральный комиссар госбезопасности. На посту наркома внутренних дел Ежов стал главным организатором массовых репрессий 1937—1938 годов, также известных как «Большой террор». 1937 год, на всём протяжении которого Ежов возглавлял НКВД, стал символическим обозначением репрессий, а сам период, на которые пришёлся пик репрессий советское время, получил название *ежовщина*. В 1939 году арестован, а спустя год расстрелян по обвинениям в подготовке антисоветского путча.

Публикация с сайта Парабельского кр. музея